

и ему дѣлаетъ великую честь то, что въ немъ, наконецъ, поэтъ побѣдилъ чиновника, хотя и поздно. Еще и теперь, въ наше время, когда правительство давно уже затрудняется не наборомъ чиновниковъ, а ихъ излишествомъ, когда на каждое самое ничтожное мѣсто является по сту кандидатовъ и искаателей, и когда деньги смѣло уже соперничаютъ съ чиномъ,—и теперь, говоримъ мы, кто не служить, не имѣетъ чина, на того всѣ смотрятъ съ такимъ удивленіемъ и такимъ любопытствомъ, какъ стали бы смотрѣть на человѣка, который лѣтомъ, въ жары, ходитъ въ медвѣжьей шубѣ, а зимой—босикомъ, въ одной рубашкѣ... Вотъ какіе глубокіе корни пустила бюрократія въ русскую жизнь, вотъ какъ хорошо принялась на русской почвѣ германская табель о рангахъ!.. Что же въ этомъ отношеніи должно было быть во времена Державина? Тогда никакой геній, какъ бы онъ ни былъ огроменъ, не могъ видѣть къ себѣ ни малѣйшаго уваженія до тѣхъ поръ, пока не видѣлъ себя въ чинѣ по крайней мѣрѣ статскаго совѣтника... И это очень просто, очень естественно. Развѣ Байронъ, этотъ либеральный поэтъ, не гордился своимъ аристократическимъ происхожденіемъ болѣе, нежели своимъ поэтическимъ геніемъ? А почему? — потому что онъ былъ англичанинъ. Какъ же было Державину не увлечься общей заразой чиновничества? Человѣку невозможно жить безъ людей, а подъ какимъ званіемъ вошелъ бы въ ихъ кругъ Державинъ — неужели подъ званіемъ поэта? Но тогда такого званія не было, а если и было, то чѣмъ-то похожимъ на званіе шута или скомороха. Званіе чиновника тогда не только было, но и находилось въ почетѣ: и вотъ, чтобъ войти къ людямъ и выйти въ люди, Державинъ захотѣлъ быть чиновникомъ. Не самъ ли биографъ Державина говоритъ: «Дивились, что дѣла поручаются пить, стихоплету или, какъ они себя великолѣпно называютъ,—говоритъ Кургановъ въ своемъ Письмовникѣ, — стихотворцу, и чины и деньги даютъ—за стихи». Чѣмъ же званіе шута или скомороха было тогда выше званія поэта?..

Этотъ духъ чиновничества, насквозь проникавшій тогдашнее общество, наложилъ свою печать и на поэзію Державина. Это поэзія хвалебная, воспѣвательная, преисполненная богами и полубогами, которые теперь всѣ сдѣлались простыми людьми, а нѣкоторые и вовсе забыты. Это поэзія, исполненная аффектаціи, искренняя въ отношеніи къ самому поэту, но лицемерная въ отношеніи къ эпохѣ,—этой эпохѣ меценатовъ, милостивцевъ, поклонниковъ и прихлебателей.

Это поэзія риторическая, хрикливая до хрипоты и надрыва груди, поэзія, разсуждавшая въ стихахъ и располагавшая торжественныя оды по правиламъ схоластической диссертациі. Пусть критики-исполины нашего времени говорятъ, что при извѣстіи о взятіи Измаила Державинъ грянулъ одой: мы, критики-пигмеи, только съ трудомъ можемъ дочитывать до конца эту длинную «похвальную рѣчь въ стихахъ», гдѣ, въ видѣ риторики, фосфорическимъ блескомъ вспыхиваютъ мѣстами искры поэзіи. Пусть люди, привыкшіе по преданію видѣть въ одѣ «Богъ» какое-то колоссальное произведеніе, величаютъ Державина пѣвцомъ Бога; но мы въ этой одѣ видимъ много внѣшняго блеска, хорошіе по своему времени стихи, больше же всего холодной декламации. Пѣвецъ «Водопада»—другое дѣло! Тутъ Державинъ великъ. Многие не знаютъ, какъ и восхвалить Державина за «Оду на возвращеніе графа Зубова изъ Персіи», а между тѣмъ что въ ней?—сперва резонерство въ холодныхъ стихахъ, потомъ не совсѣмъ вѣрныя и живыя (даже поэтически) картины Кавказа. Что такое, напримѣръ, эти стихи:

Ты видѣлъ, какъ въ степи средѣ зноу
Огромныхъ змѣй стога кипятъ,
Какъ блещутъ пестрой чешуею
И льютъ, шипя, другъ въ друга яды.

Въ тѣ времена поэту не было никакого дѣла до дѣйствительности; онъ опирался только на свою фантазію. Что ему за дѣло, что Кавказъ—не Индія, и въ немъ нѣтъ огромныхъ змѣй, что змѣи нигдѣ не кипятъ стогами, что въ стога складывается только сѣно, и что змѣи никогда не забавляются переливаніемъ яда другъ въ друга? Но возьмемъ пьесу «Русскія Дѣвушки». Не будемъ ея выписывать—она и такъ слишкомъ всѣмъ извѣстна, потому что написана прекрасными стихами. Если вы видѣли въ деревняхъ «россійскихъ дѣвушекъ», то знаете, какъ граціозно онѣ пляшутъ, и знаете, что онѣ пляшутъ не въ башмачкахъ, а въ котахъ, а иногда и въ лаптяхъ, въ сарафанахъ, которые вовсе не граціозно перерѣзываютъ поперекъ имъ грудь, съ головами, умашенными коровьимъ масломъ, съ красными и заскорузлыми руками, незнакомыми съ мыломъ; знаете, какъ богаты онѣ «золатыми лентами» и «драгими жемчугами»; знаете, что такое «россійскій» пастушокъ и его свирѣль: сравните же то, что вы знаете, съ тѣмъ, что описалъ Державинъ, и въ восторгѣ воскликните вмѣстѣ съ нимъ къ Анакреону:

Коль бы видѣлъ дѣвъ сихъ красныхъ,
Ты бѣ гречанокъ позабылъ,
И на крыльяхъ сладострастныхъ
Твой зрѣтъ прикованъ быть.